

Плач по любимому

В питерской больнице на 83-м году жизни скончался

Александр Моисеевич Володин

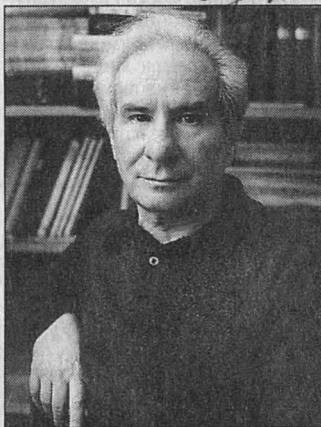
*Новые Известия - 2001 -
18 сен - С. 2*

**Елена ЯМПОЛЬСКАЯ,
«Новые Известия»**

Есть люди, чей уход невозможно оправдать паспортными данными. Восемьдесят, девяносто, сто — для Володиной это мало, мало, мало! Потому что нам мало Володина...

Таких, как Володин, не бывает. Этот персонаж — из области ненаучной фантастики. Блестящий и скромный, простой и великий, святой и пьяный, фронтовик, еврей, женолюб... Драма-тург — что известно многим, прозаик — для самых любопытных, кто читал «Записки нетрезвого человека», поэт — для избранных, тихо кайфовавших под настойчивое володинское: «Стыдно быть несчастливым!».

Стыдно быть несчастливым, если у нас был Володин. Мы могли писать о нем и ему, смотреть в театре и по телеку «Осенний марафон», «Пять вечеров», «Назначение», «Фокусника», «Старшую сестру»... Последнюю свою вещь Александр Моисеевич остро не любил — его пугали уверенные в собственной правоте люди. Может быть, оттого, что сам он в глубине души мечтал быть высоким, русским голубоглазым блондином и всю жизнь боролся с собой, и не очень любил себя, и ухитрялся при этом держать собственные комплексы глубоко внутри, и шутить, и смеяться, и щедро украшать чужое существование. Пусть никто не обижается (а обиделся бы в первую очередь сам Володин, и чего бы мы не отдали, чтобы он мог сейчас на нас обижаться), но, на мой взгляд,

Александр Володин.

«эталонном интеллигентности» и «совестью нации» был в России не академик Лихачев, а другой, некоренной петербуржец — Александр Володин. Доказательство тому единственное — никто никогда не присваивал Володину подобных эпитетов. Совесть нации до тех пор соответствует своему наименованию, пока не названа вслух...

«Александр Моисеевич Володин проходит не то что мимо времени, но вроде как по касательной, он Человек с Обочины, тихо думающий свою думу вдали от пыльного большака. Когда уляжется пыль, его можно будет увидеть на прежнем месте...

Александр Моисеевич Лифшиц, поменявший по совету опытных людей настоящую фамилию на безупречный с точки зрения пятого пункта псевдоним, производный от имени старшего

сына, отдал кесарю кесарево, а себе оставил крохотные, но дорогие сердцу привилегии: пить с приятными людьми, никогда не пить с противными, любить женщин, жить по своему уставу и писать, как пишется...

Володин ни с кем не соперничает, ни на чей счет не ехидничает, ни о ком не отзываясь зло. После Чехова и, наверное, Платонова никто из русских писателей не жалел людей так, как Володин. Своих и чужих, но своих все-таки больше. Хороших и плохих, причем плохих больше. Плохому всегда плохо, даже если пока хорошо. Хорошему всегда хорошо, даже когда очень плохо. Хороший человек не пропадет. Плохой рассеется без остатка, уйдет в небытие, так ничего и не появив...

Он всегда обобщает, и поэтому все его пьесы — об одном и том же. «Мать Иисуса» отличается от «Похождений зубного врача» самой малостью — местом и временем действия и именами персонажей... У него человек настолько близок если не к Создателю, так к Изначальному Замыслу, что, кажется, до счастья и света осталось шаг ступить. Другое дело, что шаг этот труден до полной непреодолимости, и ты, сорвавшись, стремительно летишь вниз, и Володин скорбит о тебе и о себе и достает из холодильника прозрачную поллитровку... — какое же это было счастье — сочинять заметку к володинскому восьмидесятилетию, выносить в заглавие: «С любимыми не расставайтесь!».

Все кончено. Однажды любимых приходится оплакивать.